

Успенский Петр Демьянович

Tertium organum

**Ключ к загадкам мира. Тайна
пространства и времени. Тени и
действительность. Голоса
камней. Математика
бесконечного. Логика экстаза.
Мистическая теософия.
Космическое сознание. Новая
мораль**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 51
ББК 22.1
П30

П30 **Петр Демьянович У.**
Tertium organum: Ключ к загадкам мира. Тайна пространства и времени. Тени и действительность. Голоса камней. Математика бесконечного. Логика экстаза. Мистическая теософия. Космическое сознание. Новая мораль / Успенский Петр Демьянович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 330 с.

ISBN 978-5-519-78407-8

ISBN 978-5-519-78407-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА	I.	1
"	II.	12
"	III.	21
"	IV.	27
"	V.	40
"	VI.	46
"	VII.	59
"	VIII.	65
"	IX.	81
"	X.	94
"	XI.	105
"	XII.	116
"	XIII.	122
"	XIV.	137
"	XV.	146
"	XVI.	164
"	XVII.	186
"	XVIII.	200
"	XIX.	217
"	XX.	230
"	XXI.	240
"	XXII.	255
"	XXIII.	291
Эволюція или культура сознанія		316
Заключеніе		319
Таблица четырехъ формъ сознанія.		

И клялся
что времени уже не будетъ.

Апокалипсисъ, X, 6.

...Чтобы вы, укорененные и
утвержденные въ любви, могли
постигнуть со *всѣми святыми*
что — широта и долгота,
и глубина, и высота,

Апостолъ Павелъ.

Посланіе къ Эфесянамъ, III, 18.

Г Л А В А I.

Что мы знаем и чего не знаем? Наши данныя и наши искомыя. Незвѣстныя, принимаемыя за извѣстныя. Матерія и движеніе. Къ чему приходитъ позитивная философія? Тождество неизвѣстныхъ: $x=u$, $u=x$. Что мы дѣйствительно знаемъ? Существованіе сознанія въ насъ и міра внѣ насъ. Дуализмъ или монизмъ? Субъективное и объективное познаніе. Гдѣ лежатъ причины ощущеній? Система Канта. Время и пространство. Квантъ и «эфиръ». Замѣчаніе Маха. Съ чѣмъ въ дѣйствительности оперируетъ физикъ.

Научись отличать реальное отъ ложнаго.
«Голосъ Моччанина».
Е. П. Б.

Самое трудное: знать, что мы знаемъ, и чего не знаемъ.

Поэтому, желая что бы то ни было знать, мы должны прежде всего установить, что мы принимаемъ, какъ данное, и что считаемъ, требующимъ опредѣленія и доказательства; т. е. установить, что мы уже знаемъ—и что желаемъ знать.

По отношенію къ нашему познанію міра и себя мы находились бы въ идеальныхъ условіяхъ, если бы мы могли не принимать, какъ данное *ничего*, и считать *все*, требующимъ опредѣленія и доказательства; или, иначе говоря, лучше всего было бы предположить, что мы *ничего* не знаемъ—и идти отъ этого.

Но, къ сожалѣнію, создать такія условія невозможно. Что нибудь должно быть положено въ основу, что нибудь должно быть признано извѣстнымъ. Иначе намъ всегда придется опредѣлять одно неизвѣстное посредствомъ другого.

Съ другой стороны мы должны опасаться принять, какъ извѣстныя, какъ *данныя*, вещи въ сущности совершенно неизвѣстныя, только предполагаемыя, *искомыя*. Мы должны опасаться попасть въ такое положеніе, въ какомъ находится позитивная философія, въ основу которой долгое время клалось признаніе существованія *матеріи* (материализмъ), а теперь кладется признаніе существованія *энергіи*, т. е. силы или *движенія* (энергетизмъ), хотя въ дѣйствительности матерія и движеніе всегда были неизвѣстными, *искомъ* и *изрекомъ* и опредѣлялись одно посредствомъ другого.

Всякому совершенно ясно, что нельзя *искомое* принимать за

данное, и нельзя одно неизвѣстное опредѣлять посредствомъ другого неизвѣстнаго. Въ результатѣ не получается ничего кромѣ *тождества неизвѣстныхъ* $x = y$, $y = x$.

Именно это *тождество неизвѣстныхъ* и есть конечный выводъ, къ которому приходитъ позитивная философія.

Матерія это—то, въ чемъ происходятъ измѣненія, называемыя движеніемъ; а движеніе это—тѣ измѣненія, которыя происходятъ въ матеріи.

Что же мы знаемъ?

Мы знаемъ, что на первой же ступени самосознанія человѣку бросаются въ глаза два очевидныхъ факта:

Существованіе міра, въ которомъ онъ живетъ—и существованіе сознанія въ немъ самомъ.

Ни того, ни другого человѣкъ ни доказать, ни опровергнуть не можетъ, но и то, и другое для него *фактъ, дѣйствительность*.

Можно задумываться о взаимоотношеніи этихъ двухъ фактовъ. Можно стараться свести ихъ къ одному—т. е. разсматривать сознаніе, какъ часть или функцію міра—и міръ, какъ часть или функцію сознанія. Но это уже будетъ отвлеченіе отъ фактовъ, и всѣ такія соображенія для обыкновеннаго, не мудрствующаго, взгляда на міръ и на себя не будутъ имѣть характера очевидности. Наоборотъ, единственнымъ *очевиднымъ фактомъ* остается противоположеніе *Я и Не я*,—сознанія и міра.

Въ дальнѣйшемъ мы будемъ возвращаться къ этому основному положенію. Но пока у насъ нѣтъ никакихъ основаній возражать противъ очевиднаго факта существованія *насъ самихъ*, т. е. нашего сознанія—и *міра*, въ которомъ мы живемъ. Это мы и должны принять, какъ *данное*.

Но зато это единственное, что мы имѣемъ право принять, какъ данное. Все остальное требуетъ доказательства своего существованія и опредѣленія на основаніи имѣющихся у насъ двухъ данныхъ.

Пространство съ его протяженностью; *время* съ идеею *прежде, теперь и послѣ*; количество, масса, вещественность; число, равенство, неравенство; тождество и противорѣчіе: причина и слѣдствіе; эфиръ, атомы, электроны, энергія, жизнь, смерть...—все, что кладется въ основу обычнаго знанія,—*это все неизвѣстныя*.

Изъ двухъ основныхъ данныхъ—существованія сознанія въ насъ и міра внѣ насъ—непосредственно вытекаетъ совершенно ясное для нашего обычнаго сознанія раздѣленіе всего, что мы знаемъ, на *субъективное и объективное*.

Именно—все то, что мы принимаемъ, какъ свойства міра, мы называемъ объективнымъ; а все то, что мы принимаемъ, какъ свойства нашего сознанія, мы называемъ субъективнымъ.

«Міръ субъективнаго» или субъективный міръ мы познаемъ *непосредственно*; онъ въ насъ; онъ и мы—это одно.

«Міръ объективнаго» или объективный міръ мы представляемъ себѣ существующимъ какъ бы внѣ насъ, помимо насъ. Онъ и мы—это разное. Намъ кажется, что если мы закрываемъ глаза, то объективный міръ продолжаетъ существовать такимъ же, какимъ мы его сейчасъ видѣли, и что, если погаснетъ наше сознаніе, исчезнетъ наше Я, исчезнетъ субъективный міръ,—то объективный міръ, будетъ существовать попрежнему, какъ существовалъ тогда, когда насъ не было, не было нашего субъективнаго міра.

Точнѣ всего опредѣляетъ наше отношеніе къ объективному міру то, что мы познаемъ его *во времени и въ пространствѣ*—и иначе, внѣ этихъ условій, ни познать, ни представить себѣ не можемъ. Обыкновенно мы говоримъ, что объективный міръ состоитъ изъ вещей и явленій, т. е. вещей и перемѣнъ въ состояніи вещей. *Явленіе* существуетъ для насъ во времени, *вещь* въ пространствѣ.

Но такое раздѣленіе субъективнаго и объективнаго міра насъ не удовлетворяетъ.

Путемъ разсужденія мы можемъ установить, что въ дѣйствительности мы знаемъ только свои собственные ощущенія, представленія и понятія—и міръ объективнаго познаемъ, проектируя внѣ себя причины своихъ ощущеній, которыя мы у нихъ предполагаемъ.

Затѣмъ мы находимъ, что наше познаніе, какъ субъективнаго, такъ и объективнаго міра можетъ быть *истиннымъ* и *ложнымъ*, *правильнымъ* и *неправильнымъ*.

Критеріемъ для опредѣленія правильности или неправильности нашего познанія субъективнаго міра служитъ форма отношеній одного ощущенія къ другимъ и *сила* и характеръ *самого ощущенія*. Иначе говоря, правильность одного ощущенія провѣряется сравненіемъ его съ другимъ, въ которомъ мы болѣе увѣрены или *интенсивностью и вкусомъ даннаго ощущенія*.

Критеріемъ для опредѣленія правильности или неправильности нашего познанія объективнаго міра *служитъ то же самое*. Намъ кажется, что мы опредѣляемъ вещи и явленія объективнаго міра путемъ сравненія ихъ между собою; и мы думаемъ, что находимъ законы ихъ существованія *помимо насъ* и нашего познанія ихъ. Но это иллюзія. О вещахъ *отдѣльно отъ насъ* мы ничего не знаемъ. И никакихъ

другихъ средствъ для провѣрки правильности нашего познанія объективнаго міра к р о м ѣ о щ у щ е н і й у насъ нѣтъ.

Вопросъ о нашемъ отношеніи къ истиннымъ причинамъ нашихъ ощущеній съ глубокой древности составлялъ главный предметъ философскихъ исканій. Люди всегда должны были имѣть какое-нибудь рѣшеніе этого вопроса, какой-нибудь отвѣтъ на него. И эти отвѣты колебались между двумя полюсами, отъ полного отрицанія самыхъ причинъ и утвержденія, что причины ощущеній лежатъ въ насъ самихъ, а не въ чемъ-либо внѣшнемъ—до признанія того, что мы эти причины знаемъ, что онѣ заключаются въ явленіяхъ внѣшняго міра, что эти явленія и составляютъ причину ощущеній; а причина наблюдаемыхъ явленій заключается въ движеніи «атомовъ» и въ колебаніяхъ «эфира». И что мы не можемъ наблюдать этихъ движеній и колебаній только потому, что у насъ нѣтъ достаточно сильныхъ аппаратовъ, и когда такіе аппараты будутъ, то мы увидимъ движеніе атомовъ такъ же, какъ теперь видимъ въ сильные телескопы звѣзды, самое существованіе которыхъ раньше не предполагалось.

Для нашего современнаго познанія центральное положеніе въ этой проблемѣ о причинахъ ощущеній заняла система Канта, не раздѣляющаго ни того, ни другого изъ крайнихъ взглядовъ, и занимающаго между ними среднее мѣсто. Именно, Кантъ установилъ, что наши ощущенія должны имѣть причины во внѣшнемъ мірѣ, но что этихъ причинъ мы *чувственнымъ путемъ*, т. е. такимъ образомъ, какимъ познаемъ явленія, познать не можемъ и *никогда не познаемъ*.

Кантъ установилъ, что все, что мы познаемъ чувственнымъ путемъ, мы познаемъ во времени и въ пространствѣ, что внѣ времени и пространства мы ничего чувственнымъ путемъ познать не можемъ, что время и пространство есть необходимыя условія чувственнаго воспріятія (т. е. воспріятія при помощи органовъ чувствъ). — И главное онъ установилъ, что протяженность въ пространствѣ и бытіе во времени не есть свойства вещей, *принадлежащія имъ*, а только свойства нашего чувственнаго воспріятія, что въ дѣйствительности, внѣ нашего чувственнаго познанія ихъ, вещи существуютъ внѣ времени и пространства, но, что мы никогда не можемъ ощутить ихъ внѣ времени и пространства и что, воспринимая вещи и явленія чувствами, мы этимъ самымъ *налагаемъ* на нихъ условія времени и пространства, какъ принадлежащую *намъ* форму представленія.

Такимъ образомъ пространство и время, опредѣляющія все то, что мы познаемъ чувственнымъ путемъ, сами по себѣ только формы

нашего воспріятія, категорій нашего разсудка, призма, через которую мы смотримъ на міръ — или, иначе говоря, пространство и время не представляютъ собой свойствъ міра, а только свойства нашего познанія міра при помощи органовъ чувствъ. Слѣдовательно, міръ, пока мы не познаемъ его, не имѣетъ протяженія въ пространствѣ и бытія во времени. Это свойства, которыя мы придаемъ ему.

Представленія пространства и времени возникаютъ *въ нашемъ умѣ* при соприкосновеніи его съ внѣшнимъ міромъ, черезъ посредство органовъ чувствъ, а не существуютъ во внѣшнемъ мірѣ помимо нашего соприкосновенія съ нимъ.

Пространство и время — это *категоріи разсудка*, т. е. свойства, *приписываемыя* нами внѣшнему міру. Это только вѣхи, знаки, поставленныя нами самими, такъ какъ безъ нихъ мы не можемъ представить себѣ внѣшняго міра. Это *графики*, въ которыхъ мы рисуемъ себѣ міръ. Проектируя внѣ себя причины нашихъ ощущеній, мы мысленно (и только мысленно) конструируемъ эти причины въ пространствѣ — и представляемъ себѣ непрерывную дѣйствительность въ видѣ ряда слѣдующихъ одинъ за другимъ временныхъ моментовъ. Намъ это необходимо, потому что, не имѣя извѣстнаго протяженія въ пространствѣ, не занимая извѣстной части пространства и не существуя извѣстное время, вещь для насъ совѣмъ не существуетъ. Т. е. вещь безъ идеи пространства, не вложенная въ пространство, не взятая въ категоріи пространства, ничѣмъ не будетъ отличаться отъ другой вещи, будетъ занимать одно съ ней мѣсто, будетъ сливаться съ ней; — а безъ идеи времени, т. е. не вложенныя во время, не взятая такъ или иначе съ точки зрѣнія *прежде теперь и послѣ*, всѣ явленія будутъ для насъ происходить какъ бы сразу, смѣшиваясь одно съ другимъ, и нашъ слабый интеллектъ не будетъ въ состояніи разбираться въ безконечномъ разнообразіи *одного момента*.

Поэтому наше сознаніе выдѣляетъ изъ хаоса впечатлѣній отдѣльныя группы, и мы строимъ въ пространствѣ и во времени представленія о предметахъ, соотвѣтствующихъ этимъ группамъ впечатлѣній.

Намъ необходимо какъ-нибудь раздѣлять вещи, и мы раздѣляемъ ихъ по категоріямъ пространства и времени.

Но мы должны помнить, что эти раздѣленія существуютъ только въ насъ, въ нашемъ познаніи вещей, а не въ самихъ вещахъ, что настоящаго отношенія вещей другъ къ другу мы не знаемъ и настоящихъ вещей не знаемъ, знаемъ только фантомы, призраки вещей — и не знаемъ, какія отношенія существуютъ между вещами въ дѣйствительности. Въ то же время мы совершенно опредѣленно знаемъ,

что *наше* раздѣленіе вещей по времени и пространству совершенно не соотвѣтствуетъ раздѣленію *вещей въ себѣ*, независимо отъ нашего воспріятія ихъ, — и совершенно опредѣленно знаемъ, что если между *вещами въ себѣ* существуетъ какое-нибудь раздѣленіе, то это ни въ какомъ случаѣ не есть раздѣленіе по времени и пространству, потому что послѣднее есть свойство не вещей, а нашего познанія вещей при помощи органовъ чувствъ. И мы не знаемъ, можно ли даже замѣтить *тѣ раздѣленія, которыя видимъ мы*, т.-е. по пространству и времени, смотря не человѣческими глазами, не съ человѣческой точки зрѣнія. Т.-е. мы не знаемъ, не представлялъ-ли бы собою нашъ міръ для иначе устроеннаго организма совершенно другого вида.

Мы не можемъ *образно представлять* себѣ вещи внѣ категорій пространства и времени, но *мыслимъ* мы ихъ постоянно внѣ времени и пространства.

Когда мы говоримъ, *этотъ столъ*, мы представляемъ себѣ столъ во времени и въ пространствѣ. Но когда мы говоримъ, *предметъ, сдѣланный изъ дерева*, не подразумѣвая опредѣленнаго предмета, а говоря вообще, то это относится ко всѣмъ предметамъ изъ дерева во всемъ мірѣ, во всѣ вѣка. Человѣкъ съ воображеніемъ можетъ сказать, что мы говоримъ о какомъ-то *большомъ предметѣ* изъ дерева, который состоитъ изъ всѣхъ когда-либо и гдѣ-либо существовавшихъ *деревянныхъ* предметовъ, представляющихъ собою какъ бы его *атомы*.

Мы не особенно ясно отдаемъ себѣ въ этомъ отчетъ, но вообще во времени и въ пространствѣ мы мыслимъ только представленіями; — понятіями мы мыслимъ уже внѣ времени и пространства.

Кантъ называлъ свои взгляды *критическимъ идеализмомъ*, отличая его отъ *догматическаго идеализма*, представителемъ котораго былъ Беркли.

Согласно догматическому идеализму, весь міръ, всѣ вещи, т. е. истинныя причины ощущеній, не существуютъ иначе, какъ въ нашемъ знаніи — т. е. онѣ *существуютъ* постольку, поскольку мы ихъ знаемъ. Весь представляемый нами міръ есть только отраженіе насъ самихъ.

Кантовскій идеализмъ признаетъ существованіе міра причинъ внѣ насъ, но утверждаетъ, что мы не можемъ познать этого міра путемъ чувственнаго воспріятія — и что все, что мы вообще видимъ, есть наше собственное созданіе, «продуктъ познающаго субъекта».

Такимъ образомъ по Канту все, что мы находимъ въ предметахъ, вкладывается въ нихъ нами самими. Каковъ міръ независимо отъ насъ, мы не знаемъ. При этомъ наше представленіе о вещахъ не имѣетъ ничего общаго съ вещами, какъ онѣ есть помимо насъ, сами въ себѣ.

И главное, наше незнаніе вещей въ себѣ пронстекаетъ совсѣмъ не отъ *недостаточнаго знанія*, а отъ того, что мы *совсѣмъ* не можемъ познать міръ *правильно* путемъ чувственного воспріятія. Т. е. невѣрно говорить, что теперь мы знаемъ еще мало, потому будемъ знать больше и, наконецъ, дойдемъ до *правильнаго пониманія міра*. Это невѣрно потому, что наше опытное знаніе не есть *смутное* представленіе *реальнаго міра*. Оно есть *очень яркое* представленіе *совершенно нереальнаго міра*, возникающаго крутомъ насъ въ моментъ нашего соприкосновенія съ міромъ истинныхъ причинъ, до котораго мы не можемъ добраться, потому что заблудились въ нереальномъ «матеріальномъ» мірѣ.—Такимъ образомъ расширеніе объективныхъ знаній нисколько не приближаетъ насъ къ познанію *вещей въ себѣ* или *истинныхъ причинъ*.

Въ «Критикѣ Чистаго Разума» Кантъ говоритъ:

Представляемое нами въ пространствѣ не есть вещь сама въ себѣ— и не есть форма вещей, принадлежащая имъ самимъ въ себѣ. Предметы сами по себѣ намъ неизвѣстны и такъ называемые внѣшніе предметы суть не болѣе, какъ представленія нашего чувственного воспріятія, ихъ форма есть пространство—истинное же соотношеніе, т. е. вещь сама въ себѣ намъ неизвѣстна и не можетъ быть познана, тѣмъ болѣе, что въ опытѣ никогда не возникаетъ о ней и вопроса.

Представляемые нами вещи не существуютъ сами по себѣ въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ представляемъ, и ихъ отношенія вовсе не таковы, какъ онѣ являются намъ. И если бы мы уничтожили субъективное свойство чувствъ, то всѣ признаки, всѣ отношенія предметовъ въ пространствѣ и во времени, самое пространство и время тоже уничтожились бы.

Намъ остается совершенно неизвѣстнымъ, что дѣлается съ предметами самими въ себѣ независимо отъ нашего чувственного воспріятія. Мы знаемъ только тотъ способъ, какимъ мы воспринимаемъ ихъ. Самое ясное познаніе явленій (чувственнымъ воспріятіемъ) никогда не познакомитъ насъ съ вещами въ себѣ.

Думать, что наше чувственное воспріятіе даетъ намъ смутное представленіе вещей, что въ этомъ представленіи мы выражаемъ предметы сами въ себѣ и только смѣшиваемъ при этомъ признаки и частныя представленія, которыхъ ясно опредѣлить не можемъ,—значитъ обезображивать понятія о чувственномъ воспріятіи и явленіяхъ, которыя при такомъ взглядѣ становятся совершенно безплодными.

Различіе яснаго и неяснаго представленія имѣетъ только логическое значеніе и не касается самаго содержанія.

Положенія Канта остались до настоящаго времени почти въ такомъ же видѣ, въ какомъ ихъ оставилъ Кантъ. Несмотря на обиліе новыхъ философскихъ системъ, появившихся въ теченіе XIX столѣтія, и несмотря на обиліе философовъ, специально занимавшихся

комментированіемъ и толкованіемъ сочиненій Канта—главныя положенія Канта остались совершенно неразработанными, прежде всего потому, что Канта совсѣмъ не умѣютъ читать, и читають у него все неважное и несущественное, не замѣчая важнаго и существеннаго.

Между тѣмъ Кантъ въ сущности только поставилъ вопросъ, бросилъ міру проблему, требующую разрѣшенія, но пути къ ея разрѣшенію не указаль.

Это обыкновенно упускають изъ виду, говоря о Кантѣ. Кантъ указаль на загадку, но разрѣшенія ея не далъ.

И до сихъ поръ мы повторяемъ положенія Канта, считаемъ ихъ неизбѣжными, но въ сущности очень плохо представляемъ себѣ что они значать. И они не связаны съ другими областями нашего знанія. Вся наша позитивная наука—физика (съ химіей) и біологія—построена на гипотезахъ, *противорѣчащихъ* положеніямъ Канта.

И мы не знаемъ, какимъ образомъ мы сами налагаемъ на міръ свойства пространства, т. е. протяженность; не знаемъ, какимъ образомъ міръ:—земля, море, деревья, люди—могутъ *не обладать* этой протяженностью.

Мы не знаемъ, какимъ образомъ можемъ мы видѣть и *измѣрять* эту протяженность, *если ея нѣтъ*,—и что представляетъ собою міръ, если онъ не обладаетъ протяженностью.

И существуетъ-ли міръ на самомъ дѣлѣ?—Или, какъ логическій выводъ изъ идей Канта, мы должны признать идею Вѣрки и отрицать самое существованіе міра, кромѣ какъ въ нашемъ воображеніи?

Позитивная философія очень странно относится ко взглядамъ Канта. Она и принимаетъ ихъ и не принимаетъ. Именно принимаетъ и считаетъ вѣрными по отношенію къ непосредственному опыту органовъ чувствъ, по отношенію къ тому, что мы видимъ, слышимъ, осязаемъ.—Т. е. позитивная философія признаетъ субъективность нашихъ воспріятій и признаетъ, что все, что мы воспринимаемъ въ предметахъ, вкладывается въ нихъ нами самими. Но это только по отношенію къ непосредственному опыту органовъ чувствъ.

Что касается «научнаго опыта», пользующагося точными аппаратами и вычисленіями, то позитивная философія, повидимому, считаетъ по отношенію къ нему взглядъ Канта невѣрнымъ и полагаетъ, что «научный опытъ» знакомитъ насъ съ самой сущностью вещей, съ истинными причинами нашихъ ощущеній—или если не знако-